

Писахов Степан Григорьевич

25.2.95.

ЖИВИ И ПОМНИ

По деревянным мосткам Архангельска важно шествует восьмидесятилетний старичок-полевичок: небольшого роста, в широких черных штанах, в сапогах со скрипом, в русской расписной косоворотке навыпуск, с темным поясом, концы которого свисают ниже колен. Идет гордо, не спеша, опираясь на толстую трость. Прохожие останавливаются, провозжают его глазами, перешептываются. Это Степан Григорьевич Писахов — здешняя живая реликвия, талантливый художник Беломорья, самобытный сказочник, «северный Мюнхгаузен».

«В молодые годы я был огненно-рыжим!», — сразу объявил Писахов, как только я переступил порог его деревянного старого дома на Поморской улице. И добавил: «Добро пожаловать, гостюшко!». Я попал в полумрак громадной комнаты с высоким потолком. На окнах — тяжелые шторы, на старинной мебели — коробки, книги, посуда. Рядом с изразцовой печью мягкий диван со множеством подушек. На стенах — картины, иконы, фотографии, стеллажи книг; по углам — подрамники, на полочках — разная старинная утварь, в общем, житейский беспорядок одинокого человека в стиле творческой мастерской начала века.

Мы сели в резные кресла за большой, заваленный книгами, рукописями, тюбиками, кистями стол. Хозяин угощал чаем с сахаром «вприкуску», а рядом игриво пошвыстывал пузатый самоварчик: «Терпеть не могу из молчащего самовара чай пить, буди с сердитым сидеть!».

Писахов родился в Архангельске в 1879 году, художественное образование получил в Петербурге, в училище барона Штиглица. Его отец, выходец из Белоруссии, занимался чеканкой по серебру и золоту. Мать — родом из пинежских поморов, ревнителей старой веры. Семья имела в городе свой ювелирный магазинчик. До революции Писахов много путешествовал: был в Италии, занимался в Париже в «Свободной академии», дважды был в Турции, в Египте, в качестве паломника побывал на Ближнем Востоке. Неод-

Недавно по Российскому телевидению представляли забавнейшую инсценировку по сказкам Писахова. Слышу: «Лунные бабы мужиков в щепы щеплют, из мужиков веретена точат. С мужиков лыко дерут... Одна вычесала мужика, будто лен. За пряжу села, опосля и за тнянье взялась, соткала лоскутину помене фартука и назад нацепила — мужниной памятью утешаться и для обозначения, что, мол, вдова и взамуж охоча». Я слушал и вспоминал автора, с которым я был знаком многие годы...

«Страсть сколь красиво!»

нократно посещал Новую Землю, остров Колгуев, Югорский Шар, побережье Белого моря, объездил Архангельскую губернию.

Об этюдах Писахова хорошо отзывался Илья Репин. В Петербурге за живописные полотна на выставке «Север в картинах» ему присудили серебряную медаль, а в Москве прошла его персональная выставка. В середине двадцатых годов в сборнике «На Северной Двине» была напечатана первая сказка Писахова «Не люблю — не слушай».

Хозяин показал любимую книгу «Дон Кихот», книги с ав-

тографами от Леонида Леонова: «Без Вас не мысля Севера». И от Самуила Маршака: «Спасибо доброму архангельскому колдуну». Передо мной — папка акварельных работ, автор пояснил, что это его «сны». «Просыпаюсь, беру кисть и стараюсь запечатлеть пережитое восхищение на бумаге. Но что-то в одном месте не получается. Опять прикурну, восстанавливаю сон, запоминаю — и снова просыпаюсь, чтобы завершить работу».

Перечитывая подаренные мне Писаховым «Сказки», я вновь и вновь удивляюсь без-

граничной фантазии деда Малины, а значит, и его неповторимого создателя. Малина катается на радуге, за пазухой прячет луну, сушит северное сияние, рубит топором туман, «роется в хламе небесном», где «кучами навалены грозовы тучи и громы», «молнии ржавы», «звезды ломаны» и «старые месяца держаны».

Одни названия сказок какие! «Девки в небе пляшут», «Поросенок из пирога убежал», «Оглобля расцвела», «Письмо мордобитно», «Баня в море», «Пляшет самовар, пляшет печка», «Морожены песни». В сказке «Перепилиха» кума ходит «фасонисто, как таракан по горячей печи», своим пронзительным голосом «медведя наскрозь проткнула и наповал убила», мужа перепилила «до сквозной дыры, — доктор велел сделать деревянную пробку. Так с пробкой и ходит мужик». В сказке «Свадьба» церковный колокол вызывает: «По-чом треска? По-чом треска?», а малые колокола отвечают: «Две копейки с поло-виной! Две копейки с по-ло-ви-ной!», а другие спорят: «Врешь, врешь — полторы! Врешь, врешь — полторы!».

На набережной Северной Двины я нашел выброшенный волнами на берег забавный пень с корнями. Доставил пень в мастерскую и пригласил Степана Григорьевича для работы над портретом. Лепка с натуры была многосеансовой. На одном станке — глиняный портрет сказочника, на другом — березовая коряга, а между ними на высоком стуле сидел Писахов. Сложности жизни, быта, политики он в разговоре легко переносил в область юмора, сводил на шутку. Позировал он мне в этот последний раз за несколько месяцев до своей кончины в 1960 году. Остались в памяти его веселые фантазии: «Глянула я на воду — на свою нарядность полюбоваться, рыбы увидели меня, от удивления рты растворили, плыть остановились, на меня смотрят — любятесь... Страсть сколь красиво!».

Валентин МИХАЛЕВ.
МОСКВА.

● В. Михалев. Сказочник и художник Севера С. Г. Писахов. 1960.